

С. А. Никольский

<https://orcid.org/0000-0002-6987-5521>**Горький и народ: новое слово в российской традиции «народолюбия»**

Проблема отношений писателя и народа по-разному решалась в XIX и в XX столетиях. Прежде свойственное отечественной классике понимание сопровождалось сочувствием. Таковы мнения о народе, например, у И. А. Гончарова и И. С. Тургенева. Глубокое знание народа обнаруживает Л. Н. Толстой, что, однако, не мешает ему возвести крестьянина на пьедестал и проповедовать отношение к нему как к эталону и идеалу. По-своему, но эту же позицию выражал в своей публицистике и Ф. М. Достоевский. Критический взгляд на народ обнаруживают в последней трети XIX столетия Н. С. Лесков и А. П. Чехов. Но автор «Мужиков», видя варварство и дикость русской деревни, не перестает звать к человеколюбию и терпимости.

Отношение сочувственного понимания меняется, начиная с Максима Горького. При этом его понимание сопровождается скрытым или даже открытым не просто критическим отношением, но презрением. Причины этого как в глубинном, личном знании народа, среди которого он первую половину жизни жил, о чем подробно писал в автобиографической трилогии «Детство», «В людях» и «Мои университеты», так и в особенностях его богатой творческой натуры. На этом же – презрении к народу, а в дальнейшем и отношении к нему как к материалу для созидания «нового человека», претерпев идейные колебания от революционного романтизма («Песня о Буревестнике») до политического лозунга («Мать»), «родоначальник социалистического реализма» обрел общую позицию с большевиками -- вначале с Лениным и его соратниками, а потом и со Сталиным».

Ключевые слова: Горький, народ, культура, история, философия, литература, личность, интеллигенция.

S. A. Nikolsky

Gorky and People: a New Word in the Russian Tradition «Love of People»

The problem of the relations of the writer and people was solved in different ways in the XIX and in the XX centuries. It used to be typical to the national classics that understanding was followed by sympathy. These are opinions on the people, for example, of I. A. Goncharov and I. S. Turgenev. The profound knowledge of the people is found out by L. N. Tolstoy that it, however, does not prevent him from bringing the peasant to the pedestal and preaching the attitude towards him as to the standard and the ideal. F. M. Dostoevsky in his own way presented the same position in his journalism. The critical view of the people is found in the last third of the XIX century by N. S. Leskov and A. P. Chekhov. But the author of «Men», seeing barbarity and wildness of the Russian village, does not stop appealing to philanthropy and tolerance.

The relation of sympathetic understanding changes, starting with Maxim Gorky. At the same time, his understanding is followed by hidden or even open not just critical relation, but even contempt. The reasons of it are as in deep, personal knowledge of the people, among whom he spent his first half of life and about what in detail he wrote in the autobiographical trilogy «Childhood», «In People» and «My Universities», and in features of his rich creative nature. That was the common thing – contempt for the people, and further the attitude towards him as to the material for creation of «a new person», having undergone ideological fluctuations from revolutionary romanticism («The Song about the Petrel») to a political slogan («Mother»), «the ancestor of socialist realism» he found a common position with Bolsheviks in the beginning with Lenin and his colleagues, and later with Stalin».

Keywords: Gorky, people, culture, history, philosophy, literature, personality, intelligentsia.

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей...

А. С. Пушкин

Возможно, самое важное в отечественном восприятии российских писателей-реалистов, это их отношение к народу. Конечно, надеяться, что именно народ, а не его образованная часть (интеллигенция) является их главным читателем, за редким исключением, позволяли себе не все. Ведь мало кто из народа в XIX, да и в XX веке, откликаясь на упования Н. А. Некрасова, нес «с

базара Белинского и Гоголя». Тем не менее проблема отношений «верхней», образованной, части общества с народом – его основной, «низовой», частью перед пишущими стояла остро. И вряд ли она заботила их теоретически-отвлеченно. Настоящая, жизненная забота сказывалась через посредствующую между народом и властью интеллигенцию, поскольку именно она исполняла функции народного просвещения и представительства народа перед властью, всегда была как субъектом для вопрошания, так и целью для репрессий. Именно читающая публика рас-

считывала посредством литературы получить возможно большее знание о «великом незнакомце», с которым время от времени имела дело. И писатель как «пониматель» народа эту потребность по мере таланта удовлетворял.

Моральная тональность этого «понимания» на рубеже XIX и XX столетий существенно изменилась. Защиту народа и справедливое возмездие власти негодным помещикам (единственный пример в отечественной литературе) первым сделал своей центральной темой Фонвизин. О пределах народного терпения властного гнета предупреждал власти Радищев. О «безмолвии» темных и нищих простолюдинов, легко уступающих, а иногда и охотно потворствующих любовью – правой или неправой – силе, с горестным пониманием свидетельствовал Пушкин. Краем – добродушным смехом – коснулся народной темы Гоголь. Допустил возможность «золотого века» – отдохновения народа (дворни) под теплым солнцем Обломовки – Гончаров. Акварельно, избегая излишне мрачных тонов, создал галерею народных портретов бродивший по лесам и лугам Тургенев. Реалистически, но не затрагивая слишком темные стороны народного сознания и бытия, а как бы глядя со ступеней господского дома и лишь изредка прохаживаясь по деревенской улице, живописал крестьянство Лев Толстой.

В целом, до последней трети XIX столетия литература по разным причинам избегала того, что можно назвать «жуткой правдой», «свинцовыми мерзостями жизни». И лишь начиная с Лескова и Чехова она, эта правда, хоть и с запозданием, была явлена российскому интеллигентскому сознанию. Лесков, ступая по деревне и заглядывая в окна, тем не менее, точно заключил: «Хотел бы я воскресить Чернышевского и Елисева: что бы они теперь писали о “новых людях”?.. Если исправничий писец мог один перепороть толпу беглых у меня с барок крестьян, при их же собственном содействии, то куда идти с таким народом? “Некуда”!.. Рахметов Чернышевского это должен был бы знать!.. Ведь с этим зверьем разве можно что-нибудь создать в данный момент?» [1, с. 690]. Впрочем, в других своих размышлениях о крестьянстве автор «На ножах» и «Некуда» высказывается хотя и не менее честно, но не столь безнадежно.

Возможно, впервые в крестьянскую избу вошел лишь привыкший видеть жизнь такой, какая она есть, доктор Чехов. Поразившись увиденному, записал: «В течение зимы и лета (рассказ «Мужики») бывают такие часы и дни, когда казалось, что эти люди живут хуже скотов, жить с ними было страшно; они грубы, нечестны, гряз-

ны, нетрезвы, живут не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся и подозревают друг друга. Кто держит кабак и спаивает народ? Мужик. Кто растрчивает и пропивает мирские, школьные, церковные деньги? Мужик. Кто украл у соседа, поджег, ложно показал на суде за бутылку водки? Кто в земских и других собраниях первый ратует против мужиков? Мужик. Да, жить с ними было страшно, но все же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдания. Тяжкий труд, от которого по ночам болит все тело, жестокие зимы, скудные урожаи, теснота, а помощи нет и неоткуда ждать ее. Те, которые богаче и сильнее их, помочь не могут, так как сами грубы, нечестны, нетрезвы и сами бранятся так же отвратительно; самый мелкий чиновник или приказчик обходится с мужиками как с бродягами, и даже старшинам и церковным старостам говорит «ты» и думает, что имеет на это право. Да и может ли быть какая-нибудь помощь или добрый пример от людей корыстолюбивых, жадных, развратных, ленивых, которые наезжают в деревню только затем, чтобы оскорбить, обобрать, напугать?» [11, с. 311–312].

И еще, в продолжение этого описания-характеристики из рассказа «Моя жизнь»: «В большинстве это были нервные, раздраженные, оскорбленные люди; это были люди с подавленным воображением, невежественные, с бедным, тусклым кругозором, все с одними и теми же мыслями о серой земле, о серых днях, о черном хлебе, люди, которые хитрили, но, как птицы, прятали за дерево одну только голову, – которые не умели считать. Они не шли к вам на сенокос за двадцать рублей, но шли за полведра водки, хотя за двадцать рублей могли бы купить четыре ведра. В самом деле, были и грязь, и пьянство, и глупость, и обманы, но при всем том, однако, чувствовалось, что жизнь мужицкая, в общем, держится на каком-то крепком, здоровом стержне. Каким бы неуклюжим зверем ни казался мужик, идя за своею сохой, и как бы он ни дурманил себя водкой, все же, приглядываясь к нему поближе, чувствуешь, что в нем есть то нужное и очень важное, ...он верит, что главное на земле – правда, и что спасение его и всего народа в одной лишь правде, и потому больше всего на свете он любит справедливость» [11, с. 256].

Сделанные Чеховым наблюдения и оценки, безусловно, из области понимания. Предельного и бесстрашного. Но, согласимся, в них нет однозначного осуждения одной лишь мужичьей вины, персональной ответственности нервного, раз-

драженного, оскорбленного человека. Именованное им, как и Лесковым, «зверье», тем не менее, содержит в себе нечто «нужное и важное». К тому же чеховские тексты переполнены сочувствием. Подчеркнуть это в особенности важно потому, что рядом и вслед за ним в литературе явится еще один действительный знаток народа – Максим Горький. И его позиция кардинально иная. Она, конечно, тоже исходит из понимания, но понимания, сопряженного с равнодушием или отпором, почти всегда – с осуждением и даже презрением.

* * *

«Детство» Горького, как и одноименное произведение Льва Толстого, начинается знакомством маленького героя хотя и не со смертью, но с ее близостью к тайне рождения. И в горьковском описании сразу поражает нарочитая пустота: отсутствие чего-либо, похожего на любовь. Лицо матери, «темное, железное и слепое», вызывает у Алеши равнодушный страх и последующую реакцию – удар бутылкой молока по ручке закрытой двери. Он и дальше всегда будет бить в ответ, ведь «слишком обильна жестокостью темная жизнь «неумного племени». И рано сложится его основное credo: «правда выше жалости». Им Горький будет руководствоваться, наблюдая и описывая «тесный, душный круг жутких впечатлений, в котором жил – да и по сей день живет – простой русский человек» [4, с. 19].

Впрочем, говорить о свойственном Горькому презрению к народу (однажды даже названному «народозлобием») в атмосфере ставшего традиционным его возвеличивания рискованно и требует обоснования. Попытаюсь это сделать и начну с очевидного: народная жизнь не была лучше и полустолетием ранее, во времена Тургенева и Толстого. И не лучшими были качества народа, наблюдаемые хотя бы и со стороны. Вспомним, к примеру, тургеневское описание жилища честного Бирюка («Записки охотника») и отношение к нему крестьян: не убили они его до времени лишь потому, что случай не представился. Однако нет у повествователя Тургенева осуждения мужиков. Или так уж благостен Лев Толстой, сосредоточившийся на мечтаниях Константина Левина о «слиянии» в общем труде барина и крестьян? Можно ли допустить, что автор «Анны Карениной» не знал того, что про народ знал и что на себе испытал Алеша Пешков?

О Горьком давно подмечено: «крестьянства он очень не любил, не верил в него... Ромась первый сказал ему золотые слова: “Народ любить нельзя”. Любить – значит снисходить, прощать, безоглядно восхищаться, а восхищаться нечем –

это трезвый народник Ромась видит лучше прочих. Свобода мужикам не нужна – они сами говорят: “При господах лучше жили, к земле мужик не прикреплен”. Горький... ручается: мужики тоскуют по крепостному праву» [3, с. 42]. Но откуда у Горького не только нелюбовь, но презрение?

В горьковских описаниях собственной жизни, наверное, не найти ни одного примера, когда бы он в ответ на проявленное к нему или его близким зло смолчал, не сделал бы зло ответное. Порет его дед Каширин – Алеша чекрыжит ножницами любимые дедом бумажные фигурки святых. Бьет отчим мать – Алеша бросается с ножницами в руках: обидчика убить и самому зарезаться. А сколько случаев, когда он безрассудно ввязывается в заведомо безнадежные для себя драки с целью защиты побиваемых и унижаемых! А сколько смелых дерзостей говорит, не думая о последствиях!

Такое безрассудное поведение должно иметь объяснение. И оно есть. Слишком внутренне свободен, чуток и наблюдателен. Слишком понимающ. Слишком силен. Слишком памятен. Слишком беспощаден. Не принимает расхожие оправдания народа, зло творящего, но «не ведающего, что творит». (Не напрасно Горький восстает против всепрощения Достоевского.) И, конечно же, он слишком талантлив: сразу видит в целом, в деталях, в глубине.

Все сказанное легко просматривается в его великолепной по тонкости и точности наблюдения прозе. Однако его проза, как правило, без определенного финала-открытия, ответа на большие вопросы. Она текуча, как отражение наблюдаемой с берега полноводной реки. Кажется, перестань смотреть и ставь точку – река все так же будет течь мимо. Почему так? Не находит ответа или не ищет, потому что равнодушен?

В отношении народа Горький определен: в текстах достаточно откровенных сентенций, как, например, эта: «Уходя из Царицына, я ненавидел весь мир и упорно думал о самоубийстве...; род человеческий – за исключением двух телеграфистов и одной барышни – был мне глубоко противен» [2, с. 170–171]. Об этом же чувстве и чуть ли не ненависти применительно к мужикам знаменитая брошюра 1922 г. «О русском крестьянстве». В ней трагедию России он выводит не из вины властимущих или озверения войной, а из *природной* жестокости народа. Отсюда, как предполагает П. Басинский, «первый шаг Горького к будущему Сталину с его политикой сплошной коллективизации» [2, с. 376]. Может, и так. Но, чтобы так шагнуть, нужно было знаемый народ

сильно презирать – изначально и в последующем, спокойно относиться к его страшной судьбе. Или еще. Финал «На дне» – самоубийство Актера. Сатин, воспев Человека – идеал будущего, отказал Актеру в жизни сегодняшней. В будущем *такие Люди не нужны*. Не мысль ли автора?

Горький не может не реагировать на виденное им в жизни не только разумом, но и действием. И если в молодости, не имея лишнего гроша, откликался словом и силой, то повзрослев и располагая средствами, от старых привычек не избавился – неизменно брал на себя заботу о слабых и обиженных. Ведь сколько было под его опекой кружков, объединений, редакций, издательств, сколько жертвовал и скольким помогал.

И почти всегда, как и в юности, разочарования. Вот, к примеру: «...хотел организовать коммуну только для того, чтобы “отойти в тихий угол и там продумать пережитое”. Пережитое – это Казань и Красновидово, где он возбуждал крестьян речами о лучшей жизни. ...И какой дымный, угарный конец! Сожгли избу Рымаса с книгами. Рымась уехал из Красновидово. Алексей остался на распутье. Смерть не удалась ему. Жизнь тоже не удается» [2, с. 156].

Но чуткость, сила и равнодушие – лишь начальный момент того, что зачастую подводит человека к презрению людей. Чуткое понимание и защита – из арсенала обороны, недостаточно значимо для человека гордого и тщеславного, каким, без сомнения, был Горький. Об этом – у многих. Послушаем, например, Ивана Бунина: «В гостях, в обществе было тяжело видеть его: всюду, где он появлялся, набивалось столько народу, не спускавшего с него глаз, что протолпиться было нельзя. Он же держался все угловатее, ни на кого из публики не глядел, сидел в кружке двух, трех избранных друзей из знаменитостей, свирепо хмурился, по-солдатски (нарочито по-солдатски) кашлял, курил папиросу за папиросой, тянул красное вино, – выпивал всегда полный стакан, не отрываясь, до дна, – громко изрекал иногда для общего пользования какую-нибудь сентенцию или политическое пророчество и опять, делая вид, что не замечает никого кругом, то хмурился, то барабанил большими пальцами по столу, то с притворным безразличием поднимал вверх брови и складки лба, говорил только с друзьями, но и с ними как-то вскользь, – хотя и без умолку, – они же повторяли на своих лицах меняющиеся выражения его лица и, упиваясь на глазах публики гордостью близости с ним, будто бы небрежно, будто бы независимо, то и дело вставляли в свое обращение к нему его

имя: «Совершенно верно, Алексей... Нет, ты не прав, Алексей... Видишь ли, Алексей... Дело в том, Алексей...» [2, с. 232].

Продолжу о мотивах горьковского презрения. Очевидно, что для реализации человеком самого себя в законченности и полноте презрение как особый инструмент должно ориентироваться не только на настоящее, но и на образ желаемого будущего. А Горький будущего желал страстно. К тому же работа по выработке образа завтрашней России ко времени начала горьковских исканий уже велась. Литература второй половины XIX столетия, исчерпав тему человека «маленького» и человека «лишнего», открыла тему человека «нового». К тому же этот «новый» человек, возмужав, стал одной из любимых игрушек «народных глашатаев» – тогдашней интеллигенции – от рахметовских рекламных поз и лубочных сновидений Веры Павловны («Что делать?» Чернышевского) до тургеневских хожденцев в народ – мужеподобных девиц и карликов («Новь»). Свое дело делала и горячая революционность кружков Плеханова, а затем и Ленина. Как было Горькому обойтись без образа своего собственного «нового» человека? Попробовал «сокола» и «буревестника». Но они не годились: метафоричны и сказочны. Реалисту нужен был типаж. И явился босьяк Челкаш. Однако этот по-своему свободный человек как асоциальный тип не мог органично вписаться в систему представлений новых социал-демократических друзей певца «дна». Это потом, в революционной реальности челкаши стали главными большевистскими акторами. А пока, в качестве реакции на эту неудачу – новый выплеск писательского презрения – как к действительности, так и на время к себе, не угадавшему новизну (презрение к себе, как известно, вполне может быть причиной писательской активности). Но все же, учитывая восторги публики, главные дозы презрения достались не столько себе, сколько народу – не способному выдвинуть из себя «позитивный» во всех отношениях тип.

По этой причине, не прекращая поиски «нового» человека, а равно и, вероятно, подстегиваемый изнутри не смолкающими волнами презрения в ответ на витавший в воздухе политический заказ, Горький создает повесть «Мать» с героями – нарождающимися большевиками. Вопреки своему знанию жизни (не мог не знать, кто такой «экспроприатор» Камо), но в угоду и разделяя презрение к народу с новыми революционными друзьями, тем не менее писал: «Для меня Камо – один из тех революционеров, для которых будущее – реальнее настоящего. ...Вне революцион-

ной борьбы вся действительность, в которой живет их класс, кажется им чем-то подобным дурному сновидению, кошмару, а реальная действительность, в которой они живут, – это социалистическое будущее» [5, с. 344].

Но и в политической лжи, натужных попытках слиться с «товарищами», как вскоре окажется, не нашел спасения, избавления от болезненного презрения к себе и к народу, не обрел спокойствия. «Партионцы-марксисты» и культура – вещи, как оказалось, несовместные. Они политиканы, обуреваемые жадной властью и фантазиями похоронить Россию прежнюю, чтобы по своему плану, безжалостно и насильственно сколотить Россию будущую. Что же он? Откликается «Несвоевременными мыслями»: «Мы выросли в атмосфере “подполья”; то, что мы называли легальной деятельностью, было, в сущности своей, или лучеиспусканием в пустоту, или же мелким политиканством групп и личностей, междоусобной борьбой людей, чувство собственного достоинства которых выродилось в болезненное самолюбие» [7, с. 435]. И самое, может быть, важное: нужна спокойная работа, она самая продуктивная. «Этот народ должен много потрудиться для того, чтобы приобрести сознание своей личности, своего человеческого достоинства, этот народ должен быть прокален и очищен от рабства, вскормленного в нем, медленным огнем культуры» [7, с. 450].

Но «мысли» не способны переменить действительность, а о спокойной работе чем дальше в 20–30-е годы, тем меньше было забот. Большевики, «умыв Россию кровью» (Артем Веселый), в ней закрепились и по-своему взнуздали. И что было делать Горькому? Покинуть страну и презирать издали? Или упрямо-наивно продолжать повторять: «Человек – это звучит гордо»? Эти способы понимания жизни многими были опробованы и уже по этой причине – неизбежного уподобления-повторения – горьковскому таланту и тщеславию не подходили. Оставалось пойти на сделку с совестью и, что после этого было совсем просто, – на сделку с властью, лишь немного прикрыв глаза, как это сделал «поэт социалистической эпохи» Владимир Маяковский [9, с. 91–99]. Ведь и он, хотя откровенно-разоблачительно и вполне бесстыдно, но настойчиво взывал:

«Я знаю
Вас ценит
и власть
и партия,
Вам дали б все –
от любви

до квартир.
Прозаики
сели
пред Вами
на парте б:
Учи!
Верти!» [8, с. 394].

Выбор был сделан. Не отказываться от собственного, подлинно-внутреннего, но тщательно скрытого – «Человек – это звучит скверно». Но в то же время делать вид, что и в самом деле в СССР строится счастливая жизнь. В этом случае Горький, по крайней мере, не изменял себе в главном: он так же, как и новая власть (вот она, настоящая смычка со Сталиным!), народ презирал. Только большевики, презирая, пускали кровь, а Алексей Максимович – слезу. И, как отмечали современники, – много и часто.

* * *

Высказанная мысль о горьковском презрении народа, конечно, нуждается в дальнейшей разработке. Но уже теперь можно сослаться на авторитетных исследователей, которые к ней близки. Так, своей недоговоренностью в обобщающей оценке «буревестника» к высказанному близок, на мой взгляд, Павел Басинский: конец Горького – «это последние дни и часы несчастного, запутавшегося человека с грешной, но щедрой душой» [2, с. 137]. И далее: Горький «был втянут Сталиным», использован им в политической, похожей на шахматы, игре [2, с. 405]. Но, стало быть, были в Горьком те струны-слабости, на которых большевикам можно было играть? Да и за шахматную доску люди обычно не садятся, если не имеют между собой чего-то общего, объединяющего. Повторюсь: думаю, что этим общим у них было презрение к народу.

У Горького, конечно, продолжает литературовед, были и грехи, и путаница. Однако, полагаю, что их конкретизирующее содержательное прояснение и распутывание все еще впереди. Разобраться в них без того, чтобы развернуть более масштабную проблему – политических «каруселей» Ленина, Сталина и прочих окружавших Горького «друзей» в последние тридцать лет его жизни, вряд ли удастся. А до той поры нет возможности не замечать итожащую его жизненную позицию слова самого главного пролетарского писателя: «Я вижу, что процесс создания новой действительности у нас, в Союзе Советов, развивается с удивительной быстротой, вижу, как хорошо, творчески вливается в жизнь новая энергия – энергия рабочего класса, и я верую в его

победу. Верую, потому что знаю» [6, с. 441]. Верим ли этим словам, спустя десятилетия, мы?

В статье представлен материал публикации автора, сделанной в издании: Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения. – Ярославль-Москва: РИО ЯГПУ, 2018 [10].

Библиографический список

1. Аннинский, Л. А. Катастрофа в начале пути [Текст] / Л. А. Аннинский // Лесков, Н. С. Собрание сочинений : в 6 томах. – М. : Экран, 1993. – Т. 1. – 719 с.
2. Басинский, П. Страсти по Максиму. Горький: 9 дней после смерти [Текст] / П. Басинский. – М. : АСТ, Астрель, 2011. – 415 с.
3. Быков, Д. Был ли Горький? [Текст] / Д. Быков. – М. : АСТ, Астрель, 2009. – 348 с.
4. Горький, М. Книга о русских людях [Текст] / М. Горький. – М. : Вагриус, 2000. – 572 с.
5. Горький, М. Собрание сочинений : в тридцати томах [Текст] / М. Горький. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1951. – Т. 13. – 645 с.
6. Горький, М. Собрание сочинений : в тридцати томах [Текст] / М. Горький. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1951. – Т. 17. – 495 с.
7. Горький, М. Собрание сочинений : в тридцати томах [Текст] / М. Горький. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1951. – Т. 24. – 575 с.
8. Маяковский, В. Полное собрание стихотворений, поэм и пьес : в одном томе [Текст] / В. Маяковский. – М. : АЛЬФА-КНИГА, 2011. – 1327 с.
9. Никольский, С. А. Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября [Текст] / С. А. Никольский. – М. : Институт философии РАН, 2017. – 126 с.
10. Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения : по материалам Российской научной конференции с международным участием [Ярославль, 5–7 июня 2018 г.] и XV Всероссийской конференции Института философии РАН [Москва, 31 мая 2018 г.]. – Ярославль – Москва : РИО ЯГПУ, 2018. – 403 с.
11. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений : в 30-ти т. [Текст] / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1985. – Т. 4. – 564 с.

Reference List

1. Anninskij, L. A. Katastrofa v nachale puti = Accident at the beginning of the way [Tekst] / L. A. Anninskij // Leskov, N. S. Sbranie sochinenij : v 6 tomah. – M. : Jekran, 1993. – T. 1. – 719 s.
2. Basinskij, P. Strasti po Maksimu. Gor'kij: 9 dnej posle smerti = Passions according to Maxim. Gorky: 9 days after death [Tekst] / P. Basinskij. – M. : AST, Astrel', 2011. – 415 s.
3. Bykov, D. Byl li Gor'kij? = Was it Gorky? [Tekst] / D. Bykov. – M. : AST, Astrel', 2009. – 348 s.
4. Gor'kij, M. Kniga o russkih ljudjah = The book about the Russian people [Tekst] / M. Gor'kij. – M. : Vagrius, 2000. – 572 s.
5. Gor'kij, M. Sbranie sochinenij : v tridcati tomah = Collection works: in thirty volumes [Tekst] / M. Gor'kij. – M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1951. – T. 13. – 645 s.
6. Gor'kij, M. Sbranie sochinenij : v tridcati tomah = Collection works: in thirty volumes [Tekst] / M. Gor'kij. – M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1951. – T. 17. – 495 s.
7. Gor'kij, M. Sbranie sochinenij : v tridcati tomah = Collection works: in thirty volumes [Tekst] / M. Gor'kij. – M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1951. – T. 24. – 575 s.
8. Majakovskij, V. Polnoe sbranie stihotvorenij, poem i p'es : v odnom tome = Complete set of works: in one volume [Tekst] / V. Majakovskij. – M. : AL"FA-KNIGA, 2011. – 1327 s.
9. Nikol'skij, S. A. Imperija i kul'tura. Filosofsko-literaturnoe osmyslenie Oktjabrja = Empire and culture. Philosophical and literary judgment of October [Tekst] / S. A. Nikol'skij. – M. : Institut filosofii RAN, 2017. – 126 s.
10. Problemy rossijskogo samosoznaniya: Maksim Gor'kij i russkaja provincija. K 150-letiju so dnja rozhdenija : po materialam Rossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem = Problems of the Russian consciousness: Maxim Gorky and the Russian province. To the 150 anniversary since the birth [Jaroslavl', 5–7 ijunja 2018 g.] i XV Vserossijskoj konferencii Instituta filosofii RAN [Moskva, 31 maja 2018 g.]. – Jaroslavl' – Moskva : RIO JaGPU, 2018. – 403 s.
11. Chehov, A. P. Polnoe sbranie sochinenij : v 30-ti t. = Complete set of works: in 30 volumes [Tekst] / A. P. Chehov. – M. : Nauka, 1985. – T. 4. – 564 s.